
А. К. Каргаева

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ПАДЕЖЕЙ В ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Дается сопоставительно-типологический анализ системы падежей в осетинском и русском языках. Анализ грамматических значений падежей на конкретном языковом материале позволил выявить сходства и различия, обусловленные лексическими и синтаксическими свойствами зависимых компонентов и смысловой организацией предложения.

Ключевые слова: морфология, имя существительное, падеж, флексия, падежное значение, агглютинативное склонение, словосочетание, зависимый компонент.

А. Kargaeva

CONTRASTIVE AND TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CASE SYSTEM IN THE OSSETIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article presents contrastive and typological analyses of the case system in the Ossetian and Russian languages. The research results identify similarities and differences in the case systems of the two languages due to the lexical and syntactical characteristics of the dependent components and meaning organization of the sentence.

Keywords: morphology, the Noun, case, flexion, case meaning, agglutinate case, phrase.

Имя существительное как часть речи, имеющая значение предметности, являющаяся средством номинации разнообразных понятий и представлений, занимает центральное место в системе частей речи и находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов.

Поэтому все имена существительные, как в осетинском, так и в русском языке, связываясь с другими членами предложения, принимают различные формы, называемые падежами и, выражая определенные синтаксические функции, устанавливают отношения с синтаксическими словоформами предикативной единицы. Следовательно, падеж — словоизменяемая категория, выражающая то или иное отношение предмета к другим предметам, действиям, признакам, обозначает словоформу существительного как зависимого компонента при глаголе, другом имени или наречии в словосочетании или предложении.

На это же значение падежа указывал и В. В. Виноградов: «Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи» [2, с. 167].

Таким образом, категория падежа выступает как категория синтаксиса, а не морфологии, так как выражаемое ею отвлеченное значение отношения складывается не в парадигме слова как системе его форм, а в словосочетании.

В современном осетинском языке насчитывается восемь падежей с явно агглютинативной типологией, суть которой заключается в том, что для выражения значения отдельных падежей, как в единственном, так и во множественном числе, существуют одни и те же падежные окончания, присоединяемые к любой именной основе и легко отделяемые от нее. Являясь обычно носителями одного грамматического значения, сохраняя его на протяжении всей парадигмы, аффиксы в осетинском языке, в

отличие от русского, гораздо самостоятельнее: они следуют друг за другом, их границы отчетливы.

Легко обнаруживаются контрастные явления и в системе склонения имен существительных. Так, в русском языке оно (склонение) является более сложным, чем в осетинском, что объясняется его тесной связью с категорией рода, являющейся основным стержнем классификации имен существительных по типам склонения.

Распределение существительных по типам склонения, т. е. классификация их парадигм, производится исходя из общности системы их флексий в единственном числе, на основании чего в русском языке выделяются три типа склонения, а в осетинском имеется только одно склонение в двух вариантах: 1) склонение существительных, оканчивающихся на гласный звук; 2) склонение существительных, оканчивающихся на согласный звук.

Контрастной особенностью грамматики осетинского языка является отсутствие парадигматической синонимии во флексиях имен существительных, т. е. отсутствие нескольких вариантов флексий для выражения одного и того же падежного значения (см. табл.).

В осетинском языке каждый падеж имеет только один однозначный аффикс, присоединяемый как к существительному единственного, так и множественного числа. Во множественном числе этот аффикс присоединяется к основам после словообразовательного суффикса множественного числа, а у существительных на гласный

звук между основой и окончанием появляется согласный *-й-* (*хо — хойён «сестра — сестре», дымгё — дымгёйау «ветер — как ветер»*).

В тех словах, где в основе единственного числа имеются гласные *а, о*, а в конце — согласные *л, р, м, н, й, у*, при образовании множественного числа гласный ослабляется, а показатель множественного числа *«т»* удваивается (*хал — хёлттё «нить — нити», хёдзар — хёдзёрттё «дом — дома», ном — нёмттё «имя — имена», рон — рётттё «пояс — пояса», куырой — куырёттё «мельница — мельницы», ёгъдау — ёгъдэуттё «обычай — обычай»*).

В тех случаях, когда слово оканчивается двумя согласными звуками, при образовании множественного числа между показателем множественности и основой слова появляется гласный *-ы* (*куыст — куыстытё «работа — работы», фарст — фёрстыте «вопрос — вопросы»*). А в словах, основа которых в единственном числе оканчивается на согласный *-й*, в творительном и союзном падежах этот звук выпадает (*сой — сойё, соимё «жир — жиром, с жиром»*).

В падежных формах русского и осетинского языков концентрируются многочисленные значения, зависящие от семантико-синтаксических отношений между словами, так как падеж — «это словоизменяемая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякий отдельный конкретный падеж в этой системе» [5, с. 49].

Падеж	I скл.	II скл.	III скл.	Падеж	
И.	□, -о, -е	-а, -я	□	Н.	□
Р.	-а, -я	-ы, -и	-и	Г.	-ы, -(й)ы
Д.	-у, -ю	-е, -и	-и	Д.	-ён, -(й)ён
В.	-□, -о, -а, -я	-у, -ю	□	Ир.	-ёй, -йё
Т.	-ом, ем, -ём	-ой, -ей, -ёй	-ю	Ар.	-мё
П.	-е, -и	-е, -и	-и	Ёд.-б.	-ыл, -(й)ыл
				Ц.	-имё
				Х.	-ау, -(й)ау

Так, можно выделить следующие падежные значения:

1) субъектное — указание на производителя действия или носителя признака (*Мё зёрдѣ ис хѣхты — Мое сердце в горах*);

2) объектное — указание на тот объект, на который направлено действие (*Атомон науы ихтѣ ныхъывтой. — Атомный ледокол прижали льды*);

3) определительное (атрибутивное) — указание на признак предмета (*Сёрдыгон дымгѣ хъазы хѣхты цъуппытыл. — Летний ветер играет на вершинах гор*);

4) обстоятельственное — указание на время, место, причину, образ действия, цель, меру и степень и т. д. (*Арвил мигъты астѣуѣй ерттивынц стъалытѣ. — На небе среди облаков сверкают звезды*).

Падежные формы существительного с субъектным и объектным значениями формируют костяк синтаксической структуры предложения (*охотник увидел оленя — цуанон федта саджы*) и распространяют, конкретизируют ее атрибутивные и обстоятельственные значения (*На этой опушке охотник увидел оленя с красивыми рогами. — Ацы ёрдужы цуанон федта саг рѣсугъд сыкъатимѣ*).

Как в русском, так и в осетинском языках категория падежа получила двойное грамматическое выражение: с одной стороны, значение падежа выражается с помощью аффиксов, с другой — с помощью служебных слов — в препозиции (предлогов в русском и осетинском языках) и в постпозиции (послелогов в осетинском языке). В обоих языках одни и те же смысловые отношения могут выражаться формами разных падежей беспредложно и с предлогами (послелогоми): «Купил книгу товарищу — купил книгу для товарища: *чиныг ёрѣвѣрдтон стъолыл — чиныг ёрѣвѣрдтон стъолы уѣлѣ*».

Рассмотрим ряд сходств и различий семантико-грамматических значений отдельных падежей в анализируемых языках.

Так, в осетинском языке все существительные в именительном падеже единственного числа имеют нулевые окончания (*чиныг* □ «книга», *ном* □ «имя», *сыкъа* □ «рог», *дзаума* □ «вещь», *мѣй* □ «месяц», *ѣгдау* □ «обычай»), что сказывается на отсутствии грамматического рода в осетинской грамматике, а в русском языке нулевые окончания могут иметь некоторые категории существительных, например, мужского рода — *луч* □, *мяч* □, *карандаш* □, *стол* □; женского рода — *мать* □, *дочь* □, *глушь* □, *тишь* □, *пустошь* □ и др.

Наблюдаются различия и в оформлении существительных именительного падежа множественного числа: для существительных осетинского языка характерен агглютинативный аффикс *т* и последующее окончание *-ѣ* (*бѣлас* — *бѣлестѣ* «дерево — деревья», *ном* — *нѣмттѣ* «имя — имена», *дур* — *дуртѣ* «камень — камни», *сыф* — *сыфтѣ* «лист — листья»), а в русском языке используются различные флексии, например: *столы*, *стулья*, *дома*, *книги*.

Именительный падеж существительных в обоих языках может выполнять функцию подлежащего (*Фыдѣлтѣй нын баззад хорз ѣгдау. — От предков нам достался хороший обычай.*), приложения (*Зындгонд уырыссаг ахуыргонд Всеволод Федыры фырт Миллер иртѣста ирон адѣмы истории ѣмѣ ѣвзаг. — Знаменитый русский ученый Всеволод Федорович Миллер исследовал историю и язык осетинского народа.*), именной части составного именного сказуемого (*Сослан студент у. — Сослан — студент*), обращения (*Сабидуджы нывтѣ, куды адджын стут. — Картины детства, как вы сладки.*). Однако для осетинского языка, в отличие от русского, характерно использование именительного падежа с предлогом в роли дополнения (*ѣд чиныг* — с книгой, *ѣд саргъ* — с седлом).

Родительный падеж в обоих языках является падежом приименным, приглагольным, используемым как с предлогами, так и без него, а в осетинском — еще и в соче-

таниях с послелогоми (*хѣдзары раз — возле, около дома, стъолы бын — под столом, доны фале — по ту сторону реки, ёмбалы фѣрцы — благодаря другу*). Им может обозначаться отношение содержимого к содержащему (*доны агуывзѣ — стакан воды*), принадлежность предмета (*мады зѣрдѣ — сердце матери*), отношение части к целому (*стъолы къах — ножка стола, бѣласы сыф — лист дерева*), субъект действия (*скъоладзауы фыст — письмо ученика, актеры хъазт — игра актера*), лицо или предмет, обладающий признаком (*миты урс — белизна снега, хѣринаджы тѣф — запах еды*) и т. д. В русском языке, кроме этого, родительный падеж обозначает предмет для сравнения (*дружба дороже денег*), объект отрицания (*нет книги*).

Дательный падеж в осетинском, по сравнению с русским, отвечает не только на вопросы *кому? чему?*, но и *для кого? для чего?* В обоих языках он обозначает косвенный объект (лицо или предмет), к которому направлено действие (*адѣмѣн сѣрибар раттын — дать свободу народу, радзурын аргъау сабитѣн — рассказать сказку детям*), а в безличных предложениях называет лицо или предмет, пребывающие в каком-либо состоянии, выражаемом сказуемым безличного предложения (*чызгѣн ѣнкъард у — девушке грустно, цѣрѣгойтѣн узал у — животным холодно*). Кроме того, в осетинском языке дательный падеж может обозначать цель, назначение предмета (*ѣмбалѣн (дат. п.) нѣ бѣззыс — не годишься в друзья (вин. п.), сѣрдарѣн (дат. п.) равзѣрстой Сосланы — председателем (тв. п.) выбрали Сослана*), разделительность (*удѣн (дат. п.) ныхас кѣнын — говорить каждый (им. п.) свое, бонѣн (дат. п.) над кѣнын — избивать каждый день (им. п.), ежедневно*), стоять при глаголе «быть» («не быть») (*хорз цардѣн (дат. п.) аргъ нѣй — хорошей жизни (род. п.) цены нет*), заменять родительный падеж и быть падежом определения (*усѣн (дат. п.) иѣ дзыкку — коса женщины-*

ны (род. п.), мадѣн (дат. п.) иѣ хѣбул — дитя матери (род. п.)).

Винительный падеж имеет исключительно большое значение для русского языка, так как указывает на прямой объект действия (*Я помню чудное мгновение*). В осетинском языке способ оформления прямого дополнения — именительный или родительный падежи, выбор которых зависит от определенности (известности) и неопределенности (неизвестности) объекта (*федтон чызг — увидел девушку, федтон чызджы — увидел именно ту, а не другую дувушку*), что послужило основанием для исключения винительного падежа из современной системы склонения осетинских существительных. Так, известный ученый-осетиновед В. И. Абаев считал, что сходство винительного падежа с именительным или родительным падежами зависит от значения имени существительного: если оно обозначает вещь, то прямой объект оформляется винительным падежом, если же существительное обозначает личность, то в функции прямого объекта выступает родительный падеж.

Иное мнение о данном падеже высказывал другой осетиновед Н. К. Багаев, выдвигая гипотезу о том, что винительный падеж отличается и от именительного, и от родительного падежей: «Возможность употребления прямого объекта в зависимости от определенности и неопределенности предмета (а не от «личности» и «вещи»), как утверждают противники винительного падежа) в двух формах — в форме, сходной с именительным падежом (т. е. с флексией *-ы (йы)*), — дает нам право утверждать, что прямой объект при переходных глаголах выражается не именительным и родительным падежами, а самостоятельным винительным падежом» [1, с. 155].

Творительный падеж в обоих языках имеет значение орудия или средства действия (*осет.: лыг кѣнын кардѣй — резать ножом, хъазын хъазѣнтѣй — играть игрушками; рус.: писать мелом, схватить*

рукой), значения места, пространства (осет.: *ѣрцыдтѣн хохѣй* — спустился с гор, *хъѣуѣй горѣтмѣ* — от села до города; рус.: *возвращаться полем, ехать берегом*), времени (осет.: *сѣрдѣй фѣзѣгмѣ* — с лета до осени; рус.: *уезжать ранним утром, гулять летним днем, осыпаться поздней осенью*), образа и способа действия (осет.: *цѣуын къахѣй* — идти пешком, *зарын бѣзджын хъѣлѣсѣй* — петь басом; рус.: *дышать полной грудью, вышивать крестом*). Наряду с вышеперечисленными данный падеж в осетинском языке имеет также значения:

- материала, из которого сделан предмет (*авгѣй хъазѣн «игрушка из стекла»*);
- фамильных имен (*Борѣтѣй иу «один из Бораевых»*);
- субъекта предложения, т. е. выступает в роли подлежащего, если это касается однородных членов (*чызгѣй, лѣппуйѣ ацыдысты быдырмѣ «и парни, и девушки ушли в поле»*);
- предмета, с которым что-либо сравнивается (*арвѣй бѣрзонддѣр — выше неба, дидинѣгѣй рѣсугддѣр — красивее цветка*);
- меры стоимости, веса и т. д. (*балхѣдтон сомѣй — купил за рубль, ѣртѣ метрѣй фылдѣр — больше трех метров*).

В осетинском языке для выражения косвенного объекта, «взятого в плане приближения к нему» [3, с. 59], используется **направительный падеж**, имеющий значения:

- 1) пространственное «приближение» (*бацыд хѣдзармѣ — зашел в дом, ацыд быдырмѣ — ушел в поле*);
- 2) временное «приближение» (*ѣхсѣвмѣ сѣхимѣ схѣцѣ сты — к ночи добрались домой, бадтысты изѣрмѣ — сидели до вечера*);
- 3) намерение, цель (*фѣндагмѣ йѣхи бацѣттѣ кодта — приготовился в дорогу, донмѣ ацыд — ушел за водой*);
- 4) предельность (*горѣтѣй хъѣумѣ — от города до села, ардыгѣй сыхѣгтѣм — от нас до соседей*);

5) продолжительность действия (*сахатмѣ фѣуын — закончить за час, къуыримѣ сѣххѣст кѣнын — выполнить за неделю*);

6) предмет, на который направлено действие (*кѣсын дѣумѣ — смотрю на тебя, дзурын лѣппумѣ — зову мальчика*).

В русском языке данные значения передаются различными предложными конструкциями родительного, винительного, дательного падежей.

Осетинский **внешне-местный** падеж соответствует русскому предложному с предлогом «**на**» и винительному с предлогом «**через**».

Данный падеж в осетинском языке употребляется в двух значениях — в прямом и переносном.

В первом — он выражает нахождение предмета на поверхности другого предмета (*бѣласыл бадын — сидеть на дереве, стъолыл уѣвын — находится на столе*); движение через что-либо, по чему-либо (*горѣтыл ацѣуын — поехать через город, рудзынгыл ахизын — перелезть через окно*). Во втором — этим падежом оформляется указание повода действия (*цѣуыл худыс? — над чем смеешься?, зарын уарзондзинадыл — петь о любви*), а также выражение времени действия (*афоныл куыст фѣци — вовремя закончил работу, фондз сахатыл райдайын — начаться в пять часов*).

Занимая присубстантивное положение, он иногда выступает в роли определения и при этом обозначает предмет, являющийся частью чего-либо (*доныл хѣринаг — еда, приготовленная на воде, ѣхсырыл кас — каша, приготовленная на молоке*).

Существовавший до недавнего времени **внутренне-местный падеж**, значения которого передаются современным родительным, исключен из системы падежей осетинского языка, так как оба имеют одинаковые окончания. Однако, на наш взгляд, такое объединение не совсем оправдано, ибо родительный выражает значения отношения содержимого к содержащему, принадлежности предмета, субъекта дей-

ствия и т. д., а внутренне-местный — обозначает место, где производится что-нибудь или находится кто-нибудь или что-нибудь (*къласы бадын — сидеть в классе, кусын заводы — работать на заводе, цёрын хохи — жить в горах*), и тождественен предложному падежу в русском языке.

Союзный падеж самый поздний из всех падежей по времени образования, о чем свидетельствует то, что до сих пор в дигорском диалекте осетинского языка его функцию выполняет послелог «*хёицё*». По своему значению данный падеж соответствует русскому творительному с предлогом **с** и выражает совместность и соучастие, т. е. обозначает лицо или предмет, совершающий действие с другим лицом или предметом (*дзурын демё — говорю с тобой, цёуын ёмбалимё — иду с другом, рацыд чиныгимё — вышел с книгой*).

Уподобительный падеж в осетинском языке имеет строго однообразное значение уподобления одного предмета другому, сравнения одного предмета с другим и соответствует в русском сочетании имени существительного в именительном падеже с союзом **как** (*фест лёгау — встань как мужчина, ёрттивы хурау — блестит как солнце, уёйыгау тыхджын — сильный как великан*).

Проведенный выше сопоставительно-типологический анализ системы падежей в осетинском и русском языках позволяет сделать вывод, что падежная форма существительного зависит от лексических и синтаксических свойств зависимого компонента и от смысловой и формальной организации предложения. Следовательно, вопрос о содержательных характеристиках падежных форм тесно связан, с одной стороны, с проблемами синтаксиса, с другой стороны — с лексической семантикой. «Значения падежей формируются на основе их синтаксических функций в словосочетании и являются абстракциями, отвлеченными от этих синтаксических функций» [4, с. 475].

Поэтому становится очевидным, что падежные значения определяются из того положения, что сама категория падежа принадлежит имени, т. е. слову, и, поскольку эта категория выражает отношение к другим словам, — синтаксису слова. А «диапазон функций падежных форм (особенно форм косвенных падежей) необычайно широк — настолько, что обобщение всех возможных функций того или иного падежа в единое, пусть самое широкое значение и определение этого значения как целостного, становится почти невыполнимой задачей» [4, с. 475].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1965. Ч. 1.
2. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1980.
3. Гагкаев К. Е. Осетинско-русские грамматические параллели. Дзауджикау, 1953.
4. Русская грамматика. М., 1982. Т. 1.
5. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 2006.

REFERENCES

1. Bagaev N. K. Sovremennyy osetinskij jazyk. Ordzhonikidze, 1965. Ch. 1.
2. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove). M., 1980.
3. Gagkaev K. E. Osetinsko-russkie grammaticheskie paralleli. Dzaudzhikau, 1953.
4. Russkaja grammatika. M., 1982. T. 1.
5. Sovremennyy russkij jazyk. Teorija. Analiz jazykovyh jedinic / Pod red. E. I. Dibrovoy. M., 2006.